ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Угрозы и безопасность

ПОЛИТИКА США ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Валерий Николаевич КОНЫШЕВ[a,•], Александр Анатольевич СЕРГУНИН[b]

[a] доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
konyshev06@mail.ru

[b] доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
sergunin60@mail.ru

[•] Ответственный автор

История статьи:
Принята 12.01.2016
Принята в доработанном виде 21.01.2016
Одобрена 28.01.2016

УДК 327.8 (73+5-11)
JEL: F51, F52

Ключевые слова: США, системы противоракетной обороны, Азиатско-тихоокеанский регион

Аннотация

Тема. Анализ политики США по созданию системы противоракетной обороны (ПРО) в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР).

Цели. Оценка последствий американских программ по созданию систем ПРО в АТР для системы региональной безопасности и для безопасности России в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Результаты. Показано, что США считают основными источниками угроз региональной безопасности ракетно-ядерный потенциал Китая и Северной Кореи. Нет оснований считать риски по нанесению ракетного удара по США высокими. При этом США активно вовлекают своих союзников по региону, прежде всего Японию и Республику Корея, в создание региональной системы ПРО, подконтрольной США. В перспективе эта система будет способна стать подсистемой глобальной системы ПРО под управлением США. Однако в силу региональных противоречий о единой системе ПРО, подобно европейской, речь пока не идет. Политика США провоцирует форсированное развитие Китаем и КНДР ракетно-ядерного потенциала.

Выводы. В ближайшей перспективе развитие систем ПРО США и их союзников в АТР непосредственно не угрожает стратегическим ядерным силам России. Однако в более отдаленной перспективе эти программы приведут к дестабилизации ситуации в регионе, что не может не сказаться на безопасности России в негативном плане. Политика США фактически способствует разворачиванию новой гонки вооружений сразу во многих областях, включая ракетно-ядерное, высокоточное и космическое оружие. Кроме того, в случае последующего включения региональных ПРО в глобальную систему ПРО США, это станет серьезным вызовом России на стратегическом уровне. Китай объективно имеет схожие с Россией позиции по отношению к развитию американских систем ПРО в АТР.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Введение

С момента одностороннего выхода США из Договора по противоракетной обороне (ПРО) от 1972 г., который произошел в 2002 г., роль средств ПРО в американской военной стратегии существенно возросла[1] [1]. Помимо развития национальной ПРО[2], США начали создавать подобные системы в важнейших регионах мира, включая Европу, Ближний и Средний Восток [2], Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Архитектура всех создаваемых систем ПРО адаптируется к локальным условиям и задачам, однако в любом случае они будут способны работать как подсистемы в рамках единой, глобальной по охвату, системы ПРО под контролем США.

Общий замысел по развитию глобальной ПРО предполагает защиту от ракет малой (до 1 000 км), средней (1 000–3 000 км), промежуточной (3 000–5 500 км) и межконтинентальной (свыше 5 500 км) дальности. С учетом того, что баллистические ракеты имеют различные тактико-технические характеристики, в архитектуру ПРО закладывается принцип эшелонированной защиты, означающий сочетание многообразных технических средств и способов для уничтожения целей на различных участках траектории полета ракеты. Это предполагает, что различные

[1] *Рыхтик М.И.* Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003. № 1. С. 203–219.

[2] *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Перспективы развития национальной системы противоракетной обороны США // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 33. С. 45–56.

элементы ПРО должны быть рассредоточены в пространстве, включая территории удаленных от США государств, а также морские и воздушно-космические пространства.

Акцент на глобализацию создаваемых при участии США систем ПРО подразумевает вовлечение в эту деятельность новых государств и регионов. Тем самым США надеются усилить свое военно-политическое влияние и снизить финансовые затраты на дальнейшее развитие элементов ПРО. В АТР наиболее тесное сотрудничество США складывается с Республикой Корея, Японией и Австралией. При этом США, несмотря на официальные заявления [3], на практике не демонстрируют заинтересованности в равноправном военно-техническом сотрудничестве в области ПРО ни с Россией, ни с Китаем, что не может не вызывать беспокойство этих стран. Подобная двойственность характерна и для планов США по созданию системы ПРО в регионе. С одной стороны, региональная ПРО не предполагает изменения баланса ракетно-ядерного сдерживания в отношении России и Китая, но с другой стороны, в дальнейшем эта система будет способна «противодействовать ракетам значительно большей дальности [чем ближняя], независимо от страны, откуда произведен запуск» [4]. Другими словами, США оставляют за собой право определять, с кем и на каких условиях состоится сотрудничество в этой сфере.

Как следует из содержания обзорного доклада по ПРО [3], опубликованного министерством обороны США, политическое руководство будет придерживаться курса на устранение любых договорных ограничений на системы ПРО. Следует отметить, что другие концептуальные документы администрации Б. Обамы в области национальной безопасности – стратегии национальной безопасности 2010 и 2015 гг., военная стратегия США 2012 г. – не внесли существенных корректив в политическую линию Вашингтона в области развития ПРО и сохранили ее общий вектор в сторону геополитического доминирования США во всемирном масштабе[3] [5, 6].

В настоящей статье анализируются цели, которые США преследуют, создавая региональные системы ПРО, особенности политики США по сотрудничеству с государствами АТР в области ПРО и оцениваются возможные последствия этой политики для региональной и глобальной безопасности.

Место АТР в современной стратегии США

В 2012 г. обозначился серьезный сдвиг в военно-стратегических приоритетах США, непосредственно связанный с АТР. По существу, в единое целое увязываются сразу несколько регионов: Ближний и Средний Восток, Южная Азия и АТР. В документе, описывающем изменения военной доктрины США, говорится, что «экономические интересы и интересы безопасности США неразрывно связаны с «аркой», опоясывающей Азию с юга – от западной части Тихого океана и Восточной Азии до Индийского океана и Южной Азии»[4]. Ключом для успешной политики становится укрепление связей с азиатскими союзными государствами. О серьезности намерений США говорят долгосрочные планы о сосредоточении 60% сил и средств ВМФ США в регионе к 2020 г. [7].

Повышение военно-стратегического внимания США к АТР приведет к укреплению военных блоков и расширению американских военных баз в этом регионе, а также даст мощный импульс развитию военно-морских сил США, включая развертывание систем ПРО морского базирования SM-3 (*Standard Missile-3*) в этом районе мира. Усиление военной активности Вашингтона в непосредственной близости от Китая и России (один из концов упомянутой «арки» упирается прямо в них) неизбежно усилит озабоченность этих двух стран складывающейся стратегической обстановкой в АТР и потребует ответных мер по обеспечению своей безопасности в данном регионе. В декларации глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), принятой 12 сентября 2014 г. на саммите в Душанбе, прямо говорится, что «одностороннее наращивание отдельными государствами или группами государств систем ПРО нанесет ущерб

[3] *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Новая военная доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 14. С. 2–9; *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Обама-2: приоритеты внешнеполитического курса // Обозреватель-Observer. Научно-аналитический журнал. 2013. Т. 276. № 1. С. 61–68; *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Перспективы развития национальной системы противоракетной обороны США // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 33. С. 45–56; *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Современная военная стратегия: учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс. 2014. 272 с.; *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегия национальной безопасности Б. Обамы: состоялось ли радикальное обновление? // Обозреватель-Observer. Научно-аналитический журнал. 2010. № 12. С. 87–95.

[4] Sustaining Global Leadership: Priorities for 21th Century Defense. Washington, DC: U. S. Department of Defense, 2012. URL: http://graphics8.nytimes.com/packages/pdf/us/20120106-PENTAGON.PDF

международной безопасности и стратегической стабильности»[5].

Стратегические планы США предполагают постоянное и широкое военное присутствие за рубежом[6] [1, 6]. Это ставит США перед необходимостью защиты от удара баллистическими ракетами средней и малой дальности по критически важным объектам инфраструктуры (порты, транспортные маршруты, склады, объекты связи и коммуникаций) и по самим американским вооруженным силам, расквартированным за рубежом. С точки зрения Пентагона, системы региональных ПРО становятся необходимой гарантией для успешного ведения военных операций на удаленных театрах военных действий[7].

Угрозы региональной безопасности и системы ПРО

Перспективы развития американской ПРО непосредственно связаны с характером угроз безопасности США и их союзников в АТР. Основным источником возможного ракетного нападения считается КНДР. США уделяют этой проблеме особое внимание, поскольку под ударом могут оказаться американские силы, дислоцированные в Республике Корея, а также на островах Окинава и Гуам. Напомним, что договор о мире между КНДР и Республикой Корея так и не подписан, то есть де-юре они находятся в состоянии войны, а Вашингтон связан с Сеулом союзническими обязательствами.

Считается, что Пхеньян обладает количеством плутония, достаточного для создания пяти ядерных боеголовок, а также производственными и технологическими возможностями для обогащения урана. Уже проведенные неоднократные испытания говорят о том, что по крайней мере ядерное устройство у КНДР есть. Но в любом случае ядерное оружие служит скорее средством защиты от возможного нападения США, чем оружием против Республики Корея. Дислокация и мощь обычных вооруженных сил КНДР позволяют захватить Сеул достаточно быстро и без ядерного оружия. В этом смысле развертывание региональной ПРО под патронажем США едва ли остановит северокорейские ядерные и ракетные программы, которые будут поступательно развиваться и дальше [8].

Согласно американским оценкам, в КНДР разработаны моноблочные ракеты малой, средней и промежуточной дальности. В США считают, что Китай не просто помогал в развитии северокорейской космической программы, но и передавал технологии, материалы и компоненты для создания баллистических ракет. В свою очередь, КНДР в течение многих лет активно сотрудничала в этой сфере с Ираном, Сирией, Пакистаном, Египтом, Йеменом и Ливией [9].

В США считают, что Россия также помогала в создании ракетно-ядерного оружия. Например, прототипом ракеты Taepo Dong считают снятую с вооружения российскую ракету R-27 разработки 1960-х гг., которая, по американским данным, была продана КНДР в 1990-е гг. [10]. С другой стороны, прототипами ядерных реакторов послужили западноевропейские образцы, а технологии полного ядерного топливного цикла были доступны Пхеньяну как члену МАГАТЭ. Так что здесь речь должна идти скорее о процессе распространения ядерных и ракетных технологий, который вышел из-под международного контроля.

По американским оценкам, Пхеньян стоит на пороге создания межконтинентальных баллистических ракет (МБР), хотя достоверных данных по этому поводу у них нет (табл. 1). Ракета такого класса Taepo Dong-2 в 2012 г. успешно вывела спутник весом около 100 кг на космическую орбиту, однако она не способна доставить ядерный заряд на межконтинентальную дальность. Также утверждается, что если удастся добавить третью ступень, то Taepo Dong-2 сможет доставлять боеголовку весом в 1 т на расстояние до 6 700 км. А если при этом еще и уменьшить вес боеголовки, то гипотетически под удар попадает и территория США. Правда, американская разведка сомневается, смогут ли северокорейские специалисты в обозримом будущем сделать достаточно компактную для установки на МБР

[5] Душанбинская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/4750

[6] *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Обама-2: приоритеты внешнеполитического курса // Обозреватель-Observer. Научно-аналитический журнал. 2013. Т. 276. № 1. С. 61–68; *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Современная военная стратегия: учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс. 2014. 272 с.; *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегия национальной безопасности Б. Обамы: состоялось ли радикальное обновление? // Обозреватель-Observer. Научно-аналитический журнал. 2010. № 12. С. 87–95; *Рыхтик М.И.* Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003. № 1. С. 203–219.

[7] Vice Admiral James D. Syring, USN Director, Missile Defense Agency. Statement before the Senate Appropriation Committee Defense Subcommittee. Wednesday, June 11, 2014. Washington. DC: Congressional Quarterly, Inc., 2004.

ядерную боеголовку. Да и статистика испытаний МБР говорит в пользу пессимистических оценок – только одно удачное испытание из пяти проведенных за последние 15 лет (в 1998, 2006, 2009, 2012 гг.) [10]. Установка ядерного заряда, если и возможна, то лишь на ракеты меньшей дальности.

Часть американских экспертов считает, что, возможно, ракетная мощь КНДР преувеличивается. В частности, вызывает сомнение как способность северокорейских специалистов создать компактную ядерную боеголовку для оснащения ракет, так и существование полного цикла по производству таких ракет. Предполагается, что Пхеньян просто импортирует важнейшие узлы и сборочные линии для последующего производства, вводя лишь небольшие модификации. Причем модификации нередко приводят к ухудшению тактико-технических свойств ракет по сравнению с прототипом.

Об отсутствии собственных разработок даже в виде копирования зарубежных образцов свидетельствует явно недостаточное количество летных испытаний. А те испытания, которые проводятся, обычно происходят уже после объявлений о начале серийного выпуска ракет [12]. Так или иначе, КНДР производит и продает ракеты на экспорт, в том числе для Ирана и Пакистана.

Китай также вызывает тревогу у администрации Б. Обамы. В отношении Пекина Вашингтон все более склоняется к политике стратегического соперничества. Если прежде в официальных документах больше говорилось о намерении развивать контакты по линии министерств обороны двух государств, то в военной доктрине 2012 г. под названием «Поддержка глобального лидерства США: приоритеты для XXI века» подчеркивается, что Китай создает вызовы безопасности. Именно поэтому, наряду с продолжением диалога, США сделают все необходимое, чтобы обеспечить доступ к своей военной инфраструктуре в АТР и сохранить возможности для беспрепятственного выполнения миссий в рамках военных обязательств перед союзниками[8] [5].

Беспокойство Пентагона вызывает программа модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК), которая в перспективе обеспечит возможности для ведения операций на удаленных театрах военных действий, а не только в прилегающих регионах. Военные программы Китая ориентированы на проведение операций по блокированию доступа США к своей военной инфраструктуре в Юго-Восточной Азии. Тайвань также остается в фокусе военных планов Китая, причем его вооруженные силы нацелены на то, чтобы нейтрализовать вмешательство в возможный конфликт «третьей стороны» – фактически речь идет о США. По оценкам США, Китай быстро совершенствует баллистические ракеты всех дальностей, наращивает количество ракетных установок, нацеленных на Тайвань, и ускоренными темпами разрабатывает новые модификации баллистических ракет, способных не только угрожать военным кораблям США, которые постоянно находятся в АТР (табл. 2) [3].

При этом Китай – это единственное из государств, подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия, которое не предоставляет фактической информации о ядерных силах и программах их развития. Эксперты считают, что в принципе Китай обладает количеством оружейного урана и плутония для изготовления нескольких сотен боеголовок, но при необходимости их количество может быть доведено до 20 тыс. [8].

По данным министерства обороны США, представленным конгрессу в 2015 г., Китай имеет 50–70 МБР в шахтном и мобильном вариантах, а общее количество ядерных боеголовок оценивается в 250 ед. Значительно увеличилось и количество БР ближнего радиуса действия – до 1 200 ед. (см. табл. 2), причем большинство из них сосредоточено вблизи Тайваньского пролива. Ожидалось, что в 2015 г. начнется патрулирование стратегическими ядерными подводными лодками класса Jin, оснащенными 12 ракетами CSS-NX-14/JL-2 с дальностью 7 400 км [13, 14]. Таким образом, у Китая появятся первые средства морского базирования для нанесения ответного ядерного удара. Правда, по параметру шумности китайские подлодки пока значительно уступают новейшим российским и американским образцам.

В этих условиях официальная позиция Пекина о безоговорочном неприменении первым ядерного оружия не вызывает полного доверия на Западе. Такое положение создает для США серьезный стимул для создания региональной ПРО, с тем чтобы затруднить достижение Китаем

[8] *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Новая военная доктрина Барака Обамы и национальные интересы России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 14. С. 2–9.

возможности по нанесению гарантированного ответного удара.

Китай в свою очередь быстро развивает собственную ПРО, средства преодоления ПРО и противоспутниковое оружие, полагая, что средства стратегической обороны вынудят потенциального противника отказаться от превентивного удара по позициям МБР[9]. В частности, в 2013 г. прошло успешное испытание (второе по счету) противоракеты шахтного базирования по перехвату БР на заатмосферном участке траектории [10]. Китайские специалисты заявили, что их технологический уровень по перехвату МБР на среднем участке траектории уже находится на мировом уровне. В то же время задача по перехвату разделяющихся боевых блоков не решена [13. Американские эксперты не исключают, что китайские разработки в дальнейшем могут попасть к Пакистану, который выполняет в стратегии Китая роль противовеса Индии. Из Пакистана эти разработки могут быть перепроданы в Иран и другие государства.

Примечательно, что долгие годы Китай официально выступал против создания систем ПРО, называя их проявлением «силовой» политики США и СССР/России. И только после успешного испытания собственного противоспутникового оружия (2007 г.) и средств ПРО (2010 и 2013 гг.) Пекин ясно продемонстрировал, что давно взял на вооружение те самые технологии, которые прежде осуждал [16]. Правда, пока Китай не обладает системой раннего предупреждения о ракетном нападении, и живучесть ядерных сил обеспечивается за счет глубоких подземных укрытий-тоннелей, общая длина которых оценивается в 4 800 км [8].

Так или иначе, не только в США, но и в других государствах полагают, что с Китаем сложно вести открытый диалог и ожидать предсказуемости действий в силу как закрытости системы принятия решений, так и особенностей политико-стратегической культуры.

Со своей стороны, многие китайские эксперты рассматривают инициативы США по созданию ПРО в АТР как причину повышения уязвимости Китая, дальнейшего распространения ядерного оружия в мире и роста международной нестабильности. Они считают, что по мере развертывания элементов ПРО Россия будет увеличивать ударный потенциал, а слабые страны, опасаясь упреждающего удара США, будут пытаться получить ядерное оружие как противовес американскому гегемонизму. Кроме того, в Китае крайне негативно отнеслись к выходу США из Договора по ПРО 1972 г. Это имеет однозначное истолкование: США могут пойти на взаимные ограничения, но когда к развертыванию готова новая система оружия, они легко идут на разрыв договоренностей даже с самым серьезным противником. Заверения США о направленности ПРО против Северной Кореи воспринимаются как попытка ввести в заблуждение. По мнению Пекина, реальная цель США в АТР и других региона мира – это не страны-«изгои», а Китай и Россия, обладающие межконтинентальными баллистическими ракетами [15].

Отношения США и Китая осложняются конкуренцией за влияние в стратегически важном для обоих государств АТР. Особую тревогу министерства обороны США вызывает идущая быстрыми темпами модернизация вооруженных сил КНР, включая ракетно-ядерный арсенал. Помимо растущего напряжения между США и КНР, который связан с наращиванием американского военного присутствия в регионе, между ними сохраняется напряженность отношений по вопросу о Тайване. Значительные силы и ракетное вооружение Китая сосредоточены именно вдоль Тайваньского пролива.

НОАК обладает достаточно мощным арсеналом моноблочных ракет всех радиусов действия (см. табл. 2), а также разрабатывает крылатые ракеты различного базирования, которые могут нести ядерный заряд. Особое внимание американские эксперты из Национального центра воздушно-космической разведки обращают на твердотопливную баллистическую ракету среднего радиуса действия CSS-5[10].

Сотрудничество США с государствами региона по созданию систем ПРО

Япония является наиболее близким союзником и партнером США в создании ПРО. Сотрудничество началось после подписания в 1999 г. соглашения о технологическом сотрудничестве в данной области. Этот шаг спровоцировали испытания баллистических ракет Северной Кореей, в результате чего одна из них упала в океан, перелетев Японию.

[9] *Арбатов А., Есин В.* Перспектива подключения Китая к ограничению ядерных вооружений. URL: http://carnegieendowment.org/files/Article_Arbatov_China_Rus2014.pdf

[10] *Osborn C.* Navy Tests its Over the Horizon Cruise Missile defense System. URL: http://defensetech.org/2014/04/26/navy-tests-its-over-the-horizon-cruise-missile-defense-system

США и Япония совместно разрабатывали, производили и испытывали образцы SM-3 Block IIA и других элементов ПРО, они регулярно проводят совместные учения по их применению. Стоимость разработки новейшей модификации ракеты оценивается в 2,1 млрд долл. США, половину из которых вложила Япония. Завершить работы по SM-3 Block IIA планируется в 2015 г. [14]. Эти ракеты после завершения полного цикла испытаний к 2018 г. будут размещаться в Европе в рамках реализации третьей фазы так называемого «Европейского поэтапного адаптивного подхода» – американской системы ПРО в Европе[11].

Архитектура ПРО, создаваемая Японией, обладает высокой степенью взаимодействия с американской, то есть способностью вести совместные операции по противоракетной обороне. Первая очередь системы ПРО вошла в строй в 2009 г. в виде двух эсминцев с системой Aegis и противоракетами SM-2, способными к перехвату на дальности 300 км и по высоте 70–250 км. Япония заинтересована в создании эшелонированной ПРО, которая в настоящее время включает в себя 6 эсминцев, оснащенных системой Aegis с противоракетами SM-3 Block IA, более 15 зенитных ракетных комплексов (ЗРК) Patriot-3, радары японского производства FPS-3 и FPS-5 и систему боевого управления ПРО на базе американских наработок. К 2020 г. Япония планирует развернуть систему раннего предупреждения о ракетном нападении, включая специализированные космические спутники [4].

В рамках развивающегося сотрудничества США разместили два передвижных радара AN/TPY-2 на севере и юге Японии, а также радар на морской платформе X-Band для контроля пусков ракет из Северной Кореи. Все они находятся под управлением Тихоокеанского и Северного командований США. Создаваемые в АТР элементы системы боевого управления ПРО C^2BMC (*Command*, *Control*, *Battle Management and Communication*) позволяют использовать эти радары не просто во взаимодействии с японской системой ПРО, но и делают их частью глобальной системы ПРО под контролем США. Радары способны передавать сведения о ракетных пусках на японские и американские корабли Aegis в Японском море, на ЗРК THAAD (*Theater High Altitude Area Defense*), а также на наземные комплексы ПРО GBI, расположенные в Калифорнии и на Аляске. На о. Гуам будет развернута батарея ЗРК THAAD, которая также будет взаимодействовать с кораблями Aegis в проведении совместных учений и испытательных пусков противоракет. Пентагон планирует к 2020 г. довести количество своих кораблей Aegis с новейшими противоракетами SM-3 до 48 ед. [4].

Оперативное взаимодействие японо-американскими силами ПРО осуществляется Центром двустороннего объединенного оперативного командования, расположенным на военно-воздушной базе Йокота, и американским Тихоокеанским командованием со штаб-квартирой на Гавайских островах. Совместная информационная инфраструктура позволяет обнаруживать, сопровождать и перехватывать цели. Для отработки совместных противоракетных операций ежегодно проводятся учения Keen Edge. О глубине сотрудничества с Японией говорит тот факт, что только с японцами США проводили испытания новейших противоракет морского базирования, таких как SM-3 Block IA [4].

Таким образом, США и Япония получают обоюдную выгоду, создавая региональную систему ПРО, способную к перехвату БР средней дальности, а в перспективе и межконтинентальной. Япония фактически становится существенным элементом защиты территории США от ракетной атаки со стороны КНДР или КНР, и тем самым укрепляет свои позиции стратегического партнера Вашингтона в регионе.

Республика Корея тоже считается важным партнером США и выразила намерение закупить противоракеты морского и наземного базирования, радары раннего предупреждения и элементы системы боевого управления средствами ПРО на основе американской C^2BMC. Правда, южнокорейское руководство долгое время проводило в этом вопросе сдержанную политику, опасаясь спровоцировать северного соседа и стремясь к нормализации отношений с ним. И хотя в настоящее время разрабатываются планы по дальнейшему углублению двустороннего сотрудничества в области ПРО, но в итоге южнокорейские власти все-таки хотели бы создать эшелонированную систему ПРО под своим, а не американским контролем.

Южная Корея уже построила при помощи США 3 эсминца с системой Aegis, правда, без противоракет [4, 16]. На вооружение будут приняты новейшие противоракеты SM-6

[11] Vice Admiral James D. Syring, USN Director, Missile Defense Agency. Statement before the Senate Appropriation Committee Defense Subcommittee. Wednesday, June 11, 2014. Washington. DC: Congressional Quarterly, Inc., 2004.

американского производства, которые устанавливаются взамен SM-2, оказавшихся неэффективными против северокорейских ракет. В 2014 г. получила одобрение сделка, по которой Южная Корея закупает 136 ЗРК Patriot-3 на сумму 1,3 млрд долл. США. Кроме этого, США предлагают развернуть батарею THAAD на территории Республики Корея[12]. Для информационной поддержки будущей ПРО, начиная с 2020 г., планируется вывести на орбиту пять военных спутников [8].

При этом не вполне ясно, как будут сочетаться в единое целое, с одной стороны, уже развиваемые национальные системы ПВО/ПРО Kill Chain и KAMD (*Korean Air and Missile Defense*), а с другой – американские вооружения и системы связи и управления. Во всяком случае, будет обеспечено информационное взаимодействие между южнокорейской системой ПРО и японо-американским сегментом ПРО. Именно такое взаимодействие отрабатывалось в ходе противоракетных учений в Южной Корее, которые были проведены осенью 2015 г.[13]

На пути создания эшелонированной ПРО в том виде, как это предлагают сделать США, есть объективные трудности. Поражающая боеголовка противоракеты THAAD отделяется на высоте примерно 100 км, а это значит, что ЗРК должен находиться на достаточном удалении от места пуска БР. Но Южная Корея находится слишком близко к северному соседу, чтобы ЗРК успел обнаружить запуск. Армия Северной Кореи может использовать для атаки БР ближнего радиуса действия и дальнобойную артиллерию, и тогда THAAD окажется бесполезным. Если же для атаки на о. Гуам или Японию будет запущена БР среднего радиуса действия, то опять-таки размещенный на территории Южной Кореи THAAD будет неэффективен. Все эти обстоятельства указывают на то, что размещение ЗРК THAAD на территории Южной Кореи лишено смысла с точки зрения ее защиты. То же касается кораблей, оснащенных Aegis. Для того чтобы противоракеты SM-3 могли перехватывать БР, летящие из Северной Кореи, корабли следует отвести далеко от территории Южной Кореи – южнее о. Окинава.

Кроме того, еще в 2009 г. тогдашний министр обороны США Р. Гейтс приостановил испытания комплекса THAAD как из-за финансовых ограничений, так и из-за недостатков, связанных с работой поражающей части ракеты. Известие о том, что в 2014 г. министерство обороны США выделило 99,5 млн долл. США на разработку и создание новой боеголовки служит подтверждением того, что функциональные возможности используемой боевой части THAAD признаны неудовлетворительными.

На этом фоне официальные лица из Пентагона в лице заместителя министра Р. Уорка не просто выступают за развертывание батареи THAAD в Южной Корее, а называют ее «стратегическим ресурсом». При этом России и Китаю настойчиво повторяют, что это не стратегическая ПРО и предназначена она только для защиты американских союзников в регионе. Официальный Сеул реагирует весьма осторожно, отрицая присоединение к американской программе ПРО и говоря только о возможном размещении ЗРК THAAD. Дело в том, что далеко не все в Южной Корее согласны, чтобы США имели полный контроль над создаваемой в регионе системой ПРО [4].

В политическом истеблишменте самой Южной Кореи, судя по всему, нет консенсуса по проблеме развертывания THAAD. Одна его часть движима опасениями ракетного удара со стороны Северной Кореи и нежеланием «выпасть» из системы ПРО, которую выстраивают США в АТР. К ним примыкают противники наметившегося экономического сотрудничества и политического сближения Южной Кореи с Китаем, что едва ли устраивает США. Другая часть истеблишмента настаивает, что для национальной безопасности государства предлагаемая американцами конфигурация ПРО – пустая трата денег. К тому же в американском конгрессе есть мнения, что Сеул за «услугу» должен помимо платы за THAAD еще вложить 15 млрд долл. США для расширения военного присутствия США на о. Гуам [17].

Другой фактор, с которым вынуждено считаться корейское политическое руководство – это негативная реакция официального Пекина. В феврале 2015 г. министр обороны КНР официально заявил протест своему корейскому коллеге в связи с тем, что развертывание ЗРК THAAD позволит осуществлять мониторинг воздушного пространства над территорией КНР.

[12] Южная Корея приобретает у США ЗРК Patriot на 1,3 миллиарда долларов. URL: http://arms-expo.ru/news/weapons_in_the_world/yuzhnaya_koreya_priobretaet_u_ssha_zrk_patriot_na_1_3_milliarda_dollarov; *Hoffman M.* Pentagon Proposes New Missile Defense System in South Korea. URL: http://dodbuzz.com/2014/05/28/pentagon-proposes-new-missile-defense-system-in-south-korea

[13] Южная Корея впервые проведет в будущем году маневры по ПРО. URL: http://vpk-news.ru/news/23318

Заверения США, что радары этих комплексов будут работать только в режиме ближнего радиуса действия для перехвата северокорейских ракет, нацеленных на Республику Корея, не вызывают доверия в Китае. Многие китайские эксперты считают, что на деле американские военные получат средство для ведения технической разведки в глубине территории КНР [4]. В частности, американские радары по скоростным характеристикам смогут отличать ложные боеголовки от настоящих. В более общем плане Китай опасается, что создание систем ПРО будет способствовать укреплению влияния США, которым выгодны антикитайские настроения в Республике Корея, Австралии и Филиппинах. Так что фактически Южная Корея поставлена перед нелегким выбором между необходимостью укрепить безопасность на случай ракетной атаки и риском серьезно осложнить отношения с Китаем.

Южная Корея постепенно втягивается в систему глобальной ПРО, создаваемую США в качестве «пояса сдерживания» России и Китая. Даже если создаваемая система ПРО будет находиться под управлением корейского командования, она в любом случае способна к взаимодействию с американскими средствами ПРО. Именно так считают корейские СМИ, не связанные с правительственными кругами. Хотя размещение ЗРК THAAD не представляет реальной угрозы России, политическая реакция Москвы, как и Пекина, на подобные «маневры» Сеула отчетливо негативная. Как полагают военные эксперты, проблему для России может создать дальнейшее развертывание элементов ПРО морского базирования[14].

Австралия, как и Япония, активно сотрудничает с США. С американской помощью построены несколько радаров раннего предупреждения о ракетном нападении. В перспективе австралийские ВМС планируют закупить два корабля, оснащенных системой Aegis, которые в будущем могут быть приспособлены для борьбы с БР ближнего и среднего радиуса действия. Поскольку для самой Австралии нет угроз подобной атаки, корабли предназначаются для участия в совместных с США операциях в качестве вклада за гарантии безопасности [4].

В силу того, что интересы региональных союзников США не во всем совпадают, а тесные многосторонние военно-политические отношения не сложились в силу региональных противоречий, единый проект ПРО, подобный европейскому, едва ли возможен. США удалось лишь навязать трехсторонний меморандум о взаимопонимании, который обеспечивает обмен разведывательной информацией между США, Японией и Республикой Корея по ядерным и ракетным программам Северной Кореи. На США при этом ложится ответственность по наблюдению за ракетными пусками с территории КНДР. Кроме того, для развития многостороннего сотрудничества в регионе под эгидой Тихоокеанского командования и ВВС США в 2014 г. был открыт Тихоокеанский объединенный центр ПВО/ПРО. Он предназначен для обучения офицерского состава, разработки совместных оперативных планов, оценки угроз, исследования новых методов противоракетной обороны [18].

Перспективы ПРО и последствия для международной безопасности

До создания интегрированной системы ПРО в АТР еще далеко, и пока США строят свою политику в данной сфере на базе двусторонних отношений. Австралия едва ли будет играть важную роль в силу своей удаленности и отсутствия серьезных угроз ее территории, а между Японией и Республикой Корея сохраняются давние споры, не позволяющие наладить широкий обмен военной информацией. При этом Республика Корея, в отличие от Японии, явно стремится сохранить систему ПРО под своим контролем. Серьезное противодействие созданию интегрированной и подконтрольной США системы ПРО будет оказывать Китай.

Хотя для стратегических ядерных сил России серьезных угроз от развертывания систем ПРО, которое происходит в АТР, не возникает, подобные проекты будут иметь долгосрочные негативные последствия как для региональной, так и для глобальной безопасности[15]. Совершенствование систем ПРО одних государств побуждает их оппонентов усиливать ракетно-ядерный потенциал, высокоточное оружие, совершенствовать воздушные и космические системы связи, управления и разведки. Отсутствие ограничительных договоров на ПРО вместе с активной политикой США по созданию подобных систем в различных регионах мира провоцируют гонку вооружений во многих сферах одновременно. Это противоречит наметившейся после окончания холодной войны тенденции к

[14] *Кирьянов О.* Сеул подписался под ПРО. URL: http://rg.ru/2014/09/03/south-korea.html

[15] *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Теория международных отношений: канун новых великих дебатов? // ПОЛИС (Политические исследования). 2013. № 2. С. 66–78.

поиску путей сотрудничества между различными «полюсами» силы и укреплению режимов контроля над вооружениями, как на региональном так и глобальном уровнях.

Развивая систему ПРО в АТР, США в какой-то момент должны будут решать вопрос о взаимодействии в этой области с Китаем. Это при том, что в Китае не верят в направленность американской ПРО против Северной Кореи, то есть США лукавят, а на самом деле создают потенциал против Китая. Согласно оценкам российских экспертов, ядерные силы Китая, фактически составляющие около 50 развернутых моноблочных МБР и способные достичь территории США, весьма уязвимы для упреждающего обезоруживающего удара. Это связано как с отсутствием у КНР развитых средств преодоления ПРО, так и системы раннего предупреждения о ракетном нападении. В то же время основная группировка американских подводных лодок находится именно в Тихом океане, и общее количество развернутых ядерных боеголовок с подлетным временем 10–15 мин. насчитывает 500 ед. [19].

Можно считать, что российская и китайская позиции относительно продвижения американской ПРО к их границам близки – оба государства видят в нем непосредственную угрозу (если Россия в Европе, то Китай – в АТР). На фоне остановки российско-американского диалога по ПРО и обострения стратегического соперничества между КНР и США, едва ли Китай пойдет на сотрудничество с США в этой области. В Китае сильны настроения относительно того, что США способны выйти из любого договора из соображений собственной выгоды, а вовсе не руководствуясь высокими целями вроде достижения международной стабильности [15]. В этом ключе был интерпретирован односторонний выход США из Договора о ПРО 1972 г., который произошел в 2002 г. и по сути, дал старт новой гонке вооружений.

Для России важно, что Китай имеет близкие позиции по проблеме ПРО, что отражено в совместных официальных заявлениях по этому поводу, в том числе в рамках ШОС. Охлаждение отношений между Россией и США и прекращение диалога по ПРО между ними вполне встраивается в стратегические установки китайского руководства, особенно военного, которое скептически относится к возможности сотрудничества в этой области с США. Росту недоверия между Пекином и Вашингтоном способствует также усиливающееся соперничество Китая и США в АТР. В то же время Китаю выгодна солидарная политика России, пока сам Китай не имеет развитых средств стратегической ПРО и систем предупреждения о ракетном нападении.

Таблица 1

Баллистические ракеты КНДР

Ракета	Кол-во ступеней	Топливо	Базирование	Дальность, км	Радиус действия	Кол-во пусковых установок
SCUD B	…	ЖТ	Мобильная	300	Малый	>100
SCUD C	…	ЖТ	Мобильная	500	Малый	...
Taksa	…	ТТ	Мобильная	120	Малый	...
ER SCUD	…	ЖТ	Мобильная	700–995	Малый	...
No Dong	1	ЖТ	Мобильная	1 250	Средний	>50
…	1	ЖТ	Мобильная	3 000	Средний	...
Taepo Dong-2	2/3	ЖТ	Стационарная	>5 500	Промежуточный	…
Hwasong-13	…	…	Мобильная	>5 500	Промежуточный	...

Примечание. ЖТ – жидкотопливные; ТТ – твердотопливные.

Источник: [12]

Таблица 2

Баллистические ракеты Китая

Ракета	Кол-во ступеней	Топливо	Базирование	Дальность, км	Радиус действия	Кол-во пусковых установок
CSS-11	...	ЖТ	Мобильная	800	Малый	...
CSS-6	...	ЖТ	Мобильная	600–850	Малый	>200
CSS-7	...	ЖТ	Мобильная	300	Малый	...
CSS-8	...	Ж/Т	Мобильная	150	Малый	...
CSS-9	...	ЖТ	Мобильная	150–260	Малый	...
CSS-14	...	ЖТ	Мобильная	150–280	Малый	...
CSS-X-16	...	ЖТ	Мобильная	200	Малый	...
CSS-X-15	...	ЖТ	Мобильная	280	Малый	...
CSS-2	1	ЖТ	Транспортируемая ограниченно	3 000	Средний	5–10
CSS-5	2	ТТ	Мобильная	1 750	Средний	>150
CSS-NX-3/JL-1	2	ЖТ	На подводной лодке	1 700	Средний	12, не развернуты
CSS-3	2	ЖТ	Транспортируемая ограниченно	5 500	МБР	10–15
CSS-4	3	ЖТ	Шахтная	12 000	МБР	20
CSS-10 Mod 1	3	ТТ	Мобильная	7 000	МБР	5–10
CSS-10 Mod 2	3	ТТ	Мобильная	11 000	МБР	>15
CSS-NX-14/JL-2	3	ЖТ	На подводной лодке	7 000	МБР	12, не развернуты

Примечание. ЖТ – жидкотопливные; Ж/Т – жидкотвердотопливные; ТТ – твердотопливные.

Источник: [12]

Список литературы

1. *Рыхтик М.И.* Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика: монография. Н. Новгород: Издательство НГУ, 2004. 356 с.

2. *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* США и создание систем ПРО на Ближнем и Среднем Востоке // Азия и Африка сегодня. 2015. № 11. С. 18–24.

3. Ballistic Missile Defense Review Report. Washington, DC: Missile Defense Agency. 2010.

4. *Rinehart I., Hildreth S., Lawrence S.* Ballistic Missile Defense in Asia-Pacific Region: Cooperation and Opposition. Washington, DC: Congressional Research Service, 2015.

5. *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* О новой военной доктрине Б. Обамы // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3. С. 98–113.

6. *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? // США и Канада: экономика, политика, культура. 20113–36.. № 1. С. 2

7. Quadrennial Defense Review 2014. Washington, DC: Department of Defense, 2014.

8. *Риди Э.* Влияние ПРО на нераспространение ядерного оружия. В кн.: Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН. 2012. С. 251–271.

9. *Kan S.* China and Proliferation of Weapons of Mass Destruction and Missiles: Policy Issues Report RL31555. Washington: Congressional Research Service, 2009.

10. *Hildreth S.* North Korean Ballistic Missile Threat to the United States. RS21473. Washington: Congressional Research Service, 2008.

11. Ballistic & Cruise Missile Threat. National Air and Space Intelligence Center. Wright-Patterson Air Force Base: NASIC Public Affairs Office. 2013.

12. *Фицпатрик М., Эллеман М.* Ракетные угрозы третьих стран. В кн.: Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН. 2012. С. 85–101.

13. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015. Annual Report to Congress. Washington: Office of the Secretary of Defense, 2015. P. 98.

14. *O'Rourke R.* Sea-Based Ballistic Missile Defense – Background and Issues for Congress. Report RL33745. Washington: Congressional Research Service, 2008.

15. *Саалман Л.* Китайский взгляд на ПРО и стратегическую стабильность. В кн.: Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН. 2012. С. 212–238.

16. Ballistic Missile Defense Review Report. Washington, DC: Missile Defense Agency. 2011.

17. *Kim J.* Disputing the Phantom: The Deployment of the THAAD to South Korea // East Asia Foundation Policy Debates. 2014. № 14.

18. *Boxx E.* Building a Ballistic Missile Defense // Asia-Pacific Defense Forum. 2014. Vol. 39. Iss. 3.

19. Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / под ред. С.М. Рогова и др. М.: Спецкнига, 2012. 80 с.

ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Threats and Security

THE U.S. POLICY FOR BUILDING BALLISTIC MISSILE DEFENSE SYSTEMS IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Valerii N. KONYSHEV[a,•], Aleksandr A. SERGUNIN[b]

[a] Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
konyshev06@mail.ru

[b] Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
sergunin60@mail.ru

[•] Corresponding author

Article history:
Received 12 January 2016
Received in revised form
21 January 2016
Accepted 28 January 2016

JEL classification: F51, F52

Keywords: USA, ballistic missile, defense system, Asia-Pacific Region

Abstract
Importance The article reviews the U.S. policy for building the ABM system in the Asia-Pacific Region.
Objectives We evaluate what implications the U.S. programs for ABM systems had in the Asia-Pacific Region to ensure regional security and Russia's security in a short and long run.
Results We prove that the USA regards the missile and nuclear potential of China and North Korea as the principal threats to its regional security. There are no grounds to assess risks of missile attacks on the USA as high. However, the USA actively involves its regional allies (Japan and the Republic of Korea) into building a regional ballistic missile defense system controlled by the USA. The system may become a sub-system of the single ballistic missile defense system under the U.S. control. However, it is early to speak about the single ballistic missile defense system like the European one due to some regional discrepancies. The U.S. policy induces China and North Korea to actively develop their own missile and nuclear potential.
Conclusions and Relevance In the nearest future, the U.S. ABM systems and those of its allies in the Asia-Pacific regions will not threat to the strategic nuclear power of Russia. However, those programs may further destabilize the regional situation. It cannot but affect Russia's security. The U.S. policy actually fuels a new armament race in many areas. Furthermore, if regional ABM systems are subsequently included into the global system of the U.S. ballistic missile defense system, it will become a serious challenge for Russia at the strategic level. In fact, China has similar positions with Russia regarding the development of the U.S. ballistic missile defense system in the Asia-Pacific Region.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

References

1. Rykhtik M.I. *Bezopasnost' Soedinennykh Shtatov Ameriki: istoriya, teoriya i politicheskaya praktika: monografiya* [Security of the United States of America: history, theory, and political practice: a monograph]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publ., 2004, 356 p.

2. Konyshev V.N., Sergunin A.A. [The USA and ABM systems in the Middle East]. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa Today*, 2015, no. 11, pp. 18–24. (In Russ.)

3. Ballistic Missile Defense Review Report. Washington, DC, Missile Defense Agency, 2010.

4. Rinehart I., Hildreth S., Lawrence S. Ballistic Missile Defense in the Asia-Pacific Region: Cooperation and Opposition. Washington, DC, Congressional Research Service, 2015.

5. Konyshev V.N., Sergunin A.A. [On the new military doctrine of B. Obama]. *Problemy natsional'noi strategii = National Strategy Issues*, 2012, no. 3, pp. 98–113. (In Russ.)

6. Konyshev V.N., Sergunin A.A. [Barak Obama's national security strategy: old wine in a new wineskin?]. *SShA i Kanada: economika, politika, kul'tura = USA v Canada: Economics – Politics – Culture*, 2011, no. 1, pp. 23–36. (In Russ.)

7. Quadrennial Defense Review 2014. Washington, DC, Department of Defense, 2014.

8. Reedy A. *Vliyanie PRO na nerasprostranenie yadernogo oruzhiya. V kn.: Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo?* [An impact of the ABM defense on non-proliferation of nuclear

weapons. In: Missile Defense: Confrontation and Cooperation?]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 251–271.

9. Kan S. China and Proliferation of Weapons of Mass Destruction and Missiles: Policy Issues Report RL31555. Washington, Congressional Research Service, 2009.

10. Hildreth S. North Korean Ballistic Missile Threat to the United States RS21473. Washington, Congressional Research Service, 2008.

11. Ballistic & Cruise Missile Threat. National Air and Space Intelligence Center. Wright-Patterson Air Force Base, Defense Intelligence Agency Missile and Space Center, Office of Naval Intelligence, 2013.

12. Fitzpatrick M., Elleman M. *Raketnye ugrozy tret'ikh stran. V kn.: Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo?* [Missile threats from the third world countries. In: Missile Defense: Confrontation or Cooperation?]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 85–101.

13. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015. Annual Report to Congress. Washington, Office of the Secretary of Defense, 2015, 98 p.

14. O'Rourke R. Sea-Based Ballistic Missile Defense – Background and Issues for Congress. Washington, Congressional Research Service, 2008.

15. Saalman L. *Kitaiskii vzglyad na PRO i strategicheskuyu stabil'nost'. V kn.: Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo?* [China's attitude to the ABM defense and strategic stability. In: Missile Defense: Confrontation or Cooperation?]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 212–238.

16. Ballistic Missile Defense Review Report. Washington, DC, Missile Defense Agency, 2011.

17. Kim J. Disputing the Phantom: the Deployment of the THAAD to South Korea. *East Asia Foundation Policy Debates*, 2014, no. 14.

18. Boxx E. Building a Ballistic Missile Defense. *Asia-Pacific Defense Forum*, 2014, vol. 39, iss. 3.

19. *Desyat' let bez dogovora po PRO. Problema protivoraketnoi oborony v rossiisko-amerikanskikh otnosheniyakh* [Ten years without the ABM Treaty. The issue of missile defense in U.S.–Russian relations]. Moscow, Spetskniga Publ., 2012, 80 p.